

АЛЕКСАНДР БЕЛЯЕВ

ДОРОГОЙ
ЧАНДАНА

Александр Романович Беляев

Дорогой Чандана

Аннотация

«Ночь была темная. Низкие облака закрывали небо. Под утро на фоне посеревшего неба обозначились бамбуковые заросли, а перед ними – очертания бунгало.

Перед верандой на площадке расположились, как изваяния, полуголые индусы. Первым у ступенек сидел худой и высокий старик. Его одежда состояла из набедренника и небольшого тюрбана. Это был райот (крестьянин) – арендатор Ашока. Он забрался сюда с вечера, чтобы занять первую очередь. Рядом с ним – его сосед Нанде, еще молодой индус с черными лохматыми волосами и задумчивыми грустными глазами, а дальше – Бандусар, рыжеватый, широкоплечий человек с вывороченными ноздрями широкого носа и раздвоенной губой...»

Содержание

I. Господин младший коллектор	4
II. Скачки с препятствиями	8
III. Краснорубашечник	12
IV. Крихна и Бульбуле	17
V. Джемс стал призраком	19
VI. Легкая победа и полное поражение	23
VII. Бегство с поста	27
VIII. Огонь по райотам	34
IX. Дорогой Чандана	40

Александр Беляев

Дорогой Чандана

I. Господин младший коллектор

Ночь была темная. Низкие облака закрывали небо. Под утро на фоне посеревшего неба обозначились бамбуковые заросли, а перед ними – очертания бунгало.

Перед верандой на площадке расположились, как изваяния, полуголые индусы. Первым у ступенек сидел худой и высокий старик. Его одежда состояла из набедренника и небольшого тюрбана. Это был райот (крестьянин) – арендатор Ашока. Он забрался сюда с вечера, чтобы занять первую очередь. Рядом с ним – его сосед Нанде, еще молодой индус с черными лохматыми волосами и задумчивыми грустными глазами, а дальше – Бандусар, рыжеватый, широкоплечий человек с вывороченными ноздрями широкого носа и раздвоенной губой.

В бунгало медленно и важно пробили часы. Пять... В тот же момент стеклянная дверь распахнулась, и на веранду вышли два полицейских-туземца в френче, форменной фуражке, шароварах и туфлях на босу ногу. Полицейские стали по обе стороны двери, вытянув руки по швам. Джемс любил торжественность!

Джемс был сыном земиндара (туземного помещика) и занимал должность младшего коллектора, совмещающего в своем лице и сборщика податей, и судью, и начальника полиции, и другие обязанности. Женат он был на метиске – дочери индуски и чиновника-англичанина. В сущности говоря, Джемс не был даже Джемсом, у него имелось туземное имя, но он поставил целью своей жизни походить во всем на англичанина и потому присвоил себе английскую фамилию.

Едва двери дома открылись, райоты поднялись и замерли в напряженном ожидании. Мистер Джемс явился – свежий, чисто выбритый. Своим темно-карим глазам он старался придать суровое, неумолимое выражение. Одет он был в легкий фланелевый костюм. В руке держал дымящуюся сигару. На минуту он остановился в дверях, сощурил презрительно глаза, – совсем как мистер Кент, старший коллектор, – и решительными шагами прошел к столу, стоявшему у барьера. Следом за Джемсом просеменил черный, как жук, мальчик-туземец. Он положил на стол две большие толстые книги.

Джемс раскрыл толстую книгу, на которую индусы смотрели почти с суеверным ужасом.

– Кто первый? – спросил он.

Ашока подошел к барьеру веранды (всходить на веранду туземцам было строжайше запрещено) и назвал себя.

– Ашока?.. Гм... Ашока... – бормотал Джемс, перелистывая книгу. – Так... С тебя еще не получен налог за прошлый

год.

– Но в прошлом году был неурожай, – ответил Ашока дрожащим от волнения голосом.

– Поэтому тебе и дана была отсрочка. Срок прошел, и за тобой уже накопилась пеня.

– Но ведь в этом году тоже, можно сказать, неурожай.

– Об этом годе будет особый разговор. Ты не уплатил налог и за этот, и за прошлый год – и сегодня же твое имущество будет описано.

– Прошу вас, подождите, пока я сниму урожай, – Ашока низко поклонился.

– Следующий! – резко крикнул Джемс.

Ашока повел острыми плечами, как будто ему стало холодно.

– Дома ни одного коури! Подождите хоть до завтра!

– Завтра? Это последний срок.

Ашока низко поклонился, повернулся и, чтобы соблюсти приличие, медленно пошел по дорожке. Но по мере того, как он удалялся от бунгало, шаги его ускорялись. Длинные ноги старика, почти не сгибавшиеся в коленях, двигались, как ходули. Когда же он вышел на шоссе, то вдруг побежал так быстро, словно за ним гнались все дикие звери джунглей.

А перед верандой Джемса стоял уже новый проситель. Джемс очень быстро разбирал дела. Мольбы на него не действовали. Он давал отсрочку только на одни сутки, да и то лишь потому, что в этот день ему было лень заниматься опи-

сью имущества.

Все просители поступали так же, как и Ашока: получив отсрочку на один день, отходили от веранды и бежали следом за стариком.

Через час площадка опустела.

В одиночестве поработав на веранде еще с полчаса, Джемс отправился в деревню. Полицейский следовал за ним по пятам.

На полях шли работы. Завидев Джемса, райоты поворачивались к нему лицом и низко кланялись. Они не принимались за работу, пока он не проходил мимо.

Но когда Джемс вошел в деревню и твердым начальственным шагом направился вдоль жалких, слеplенных из грязи и крытых соломой хижин, эти звуки начали замирать, как меркнут краски с наступлением темноты. Взрослые, завидев издали его фигуру, старались незаметно скрыться или, отве- шивая поясные поклоны, сворачивали с пути.

Джемс сметал всех со своего пути, как ветер сметает сухие листья. Знакомое сладостное чувство власти хмелило. Он казался себе иным, высшим существом. За ним стояла вся мощь Британской империи.

II. Скачки с препятствиями

Ашока бежал по шоссе со скоростью зайца. Свернув с шоссе, старик побежал межойю по косогору, спускавшемуся к небольшой, почти пересохшей речке. Следом за Ашокой, приподняв руки и подпрыгивая, бежал Нанде, а за ним грузно топотал угрюмый Бандусар, дальше трусил охавший старик, еще дальше молодой индус, скаливший ослепительно-белые зубы. Несмотря на зной, пыль и раздражение, эти люди пытались еще шутить.

– Смотри, как выбрасывает свои длинные ноги Ашока! Совсем как верблюд на Пенджабской дороге! – крикнул молодой индус, ни к кому не обращаясь.

И чей-то голос ответил за его спиной:

– Навострился! Каждый год так-то бегают к Назир-хану. Многолетняя практика.

А Ашока уже домчался до речки и, разбрызгивая воду, побежал по каменистому дну. Остановиться бы на мгновение, зачерпнуть в пригоршню воды и освежить пересохший рот. Но нет, нельзя. Обгонят... И Ашока, стиснув зубы, первым взбегает на пригорок.

Не все побороли искушение. Несколько человек остановились у реки и начали жадно пить. Эта река явилась как бы границей человеческой выносливости: немногие, перебравшись на ту сторону, нашли в себе силы бежать с прежней

скоростью. Устал, смертельно устал Ашока. Но он собирал последние силы, потому что видел уже перед собою дом Назир-хана.

Ростовщик Назир-хан был очень влиятельным лицом во всем округе. Он давал райотам-арендаторам займы деньги под чудовищные проценты и был неизбежен как смерть. Назир-хан процветал. Он скупал земли, продавал в городе слонов, буйволов и рис, отнятых у райотов за долги. Каждый день он выдавал в долг известную сумму денег, и ничто не могло заставить его выдать хотя бы одну рупию сверх этого. Тот, кто опаздывал, не получал ничего. Кредит на тяжких условиях был наградой победителю в бегах.

Назир-хан, с лицом, похожим на бурдюк, сидел в тени веранды и зорко поглядывал на дорогу.

– Назир-хан!.. Дай десять рупий.

Ашока говорил хриплым задыхающимся голосом и цеплялся дрожащими руками за перила, чтобы не упасть. Но в душе старик торжествовал: он оказался первым.

Ростовщик не спеша надел очки, раскрыл толстую книгу и сказал:

– Я дам тебе займы только в том случае, если ты в залог дашь твоего слона. Сколько тебе надо? Десять. Напиши расписку на тридцать. Срок полгода и поручишься слоном.

Ашока отшатнулся. Отдать в залог слона! Слон составлял все его богатство!

– Я и так отдам. Не надо слоном!

– Как хочешь. Тебе что? – обратился он к подбежавшему Нанде.

Но тот ничего не мог выговорить и только хрипел. Чья-то рука протянулась из-за его спины, и послышался грубый голос Бандусара:

– Три рупии... мне... запишешь шесть.

Ашока видел, что нельзя терять ни минуты, и, ударив ладонью о перила, с болью в душе крикнул:

– Согласен! Пиши расписку со слоном! – И тихо прошептал себе в бороду: – Чтоб тебя кобра ужалила в печенку, крокопийца!

Десять серебряных монет жгли руку Ашоки. Он сразу словно постарел, щеки втянуло, глаза провалились. Едва переступая разбитыми ногами, брел он по дороге. Теперь ему некуда было спешить.

Только вечером, перед заходом солнца, Ашока добрался до своей хижины. Посреди двора поднимался навес на столбах, под которым сидел его сын Крихна, красивый юноша с черными волосами, спускающимися до ушей, орлиным носом и темными быстрыми глазами. А в углу около дома приемная дочь Ашоки Бульбуле кормила ветками слона. Слон медленно брал ветки, скручивая хобот, и отправлял их в пасть. Глядя на эту мирную картину, Ашока вздохнул.

Когда-то у него была большая семья: шесть сыновей и четыре дочери, но все они, кроме Крихны, умерли в разное время от холеры, чумы, малярии, укуса змей и голода. Умер-

ла и жена. Лет двенадцать назад, когда полдеревни вымерло от чумы, соседка привела к нему во двор Бульбуле, оставшуюся круглой сиротой, и сказала, что мать Бульбуле, умирая, просила его, как соседа, не оставить ее дочь. Ашока сам голодал со своим сыном и начал было отказываться, но маленькая черноглазая, живая, как обезьянка, девочка очень понравилась Крихне, и он упросил отца оставить ее. Подростая, Бульбуле становилась хорошей хозяйкой.

Ашока кашлянул. Крихна посмотрел на него испытующе, но ничего не спросил, ожидая, что отец скажет сам. Но Ашоке трудно было говорить. Он быстро пересек двор, вошел в хижину, положил деньги в глиняный горшок, бросился на солому. Крихна и Бульбуле через дверь осторожно поглядели на старика. Он лежал неподвижно, с закрытыми глазами.

– Спит. Устал, – прошептал Крихна. – Придется подождать до вечернего костра.

III. Краснорубашечник

За деревней находилось большое огороженное место, куда загонялся на ночь скот. В нескольких десятках метров от ограды начинались джунгли. Тигры нередко делали набег на деревню и убивали животных и людей. А так как туземцам строжайше запрещено иметь какое-либо оружие, то единственной защитой от страшных хищников был огонь. На поляне, между оградой и лесом перед наступлением темноты зажигался большой костер, пламя которого поддерживалось всю ночь. Этот костер являлся своего рода клубом дам односельчан. После тяжелых дневных работ собирались они сюда отдохнуть, побеседовать, посоветоваться. Многие общественные дела разрешались тут же. Ближе к огню, полукругом, лицом к лесу (спиной к лесу сидеть боялись) важно восседали старики, за ними молодежь и еще дальше, скрываясь в тени, подростки и женщины.

Крихна не ошибся: когда стемнело, Ашока встал и поплелся к костру. За ним туда же пошел и Крихна. Старик-райоты беседовали вполголоса. Они жаловались на тяжелые времена и обсуждали события последнего дня: сколько кто взял займы у ростовщика, за какие проценты и под какой залог.

– Ашока, – сказал Бандусар рокочущим шепотом, – напрасно ты отдал под залог слона, говорю тебе, напрасно. Так

и считай: нет у тебя больше слона.

– Один конец. Так по крайней мере слон поработает на меня еще полгода, а если бы я не занял у Назир-хана, моего Тинти завтра же продали бы с торгов... – Помолчав немного, он добавил еще тише, словно боясь, как бы сама ночь не подслушала его: – Работаете, работаете, а себе ничего не остается. Плати за аренду земли, плати земельный налог, плати Назир-хану проценты, плати и плати!

– А ты не плати! – вдруг довольно громко сказал Бандусар. Все с недоумением посмотрели на него.

– То есть как это – не плати? – спросил Ашока. – Разве ты не знаешь, что бывает с теми, которые не платят налога?

– Знаю. Если Ашока уплатит налог, а Нанде откажется платить, то у Нанде отнимут имущество, а его самого посадят в тюрьму. Но если и Ашока, и Нанде, и Бандусар – все, все откажутся платить, то всех не засадишь в тюрьму, такой и тюрьмы нет. – Понизив несколько голос, он продолжал: – Сам Мохандас Карамчанд говорил, что не надо платить налогов.

– Кто такой – Мохандас Карамчанд? – услышался голос из темноты.

– Махатма Ганди.

– А-а! Ганди! Кто же не знает Ганди!..

– Ганди не говорил о том, что не надо платить налогов, – возразил Нанде. – Он говорил, что Индию можно освободить не насилием, а верой, смирением и силой духа.

– Да можно ли ему верить?! Говорят, он подружился с этой хищной птицей – вице-королем...

Поднялся спор. Люди шептались с возрастающей горячностью. Но вот седой старик в желтой, как цветок чампака, одежде, с четками на костлявой груди поднял руку, и все замолчали. Это был санниязи – святой жизни человек. Из его беззубого рта слышались шелестящие звуки.

– Не надо злобы. Не надо насилия. Где насилие, там и кровь. Она родит демонов мщения и новые ручьи крови. Призрачна наша жизнь, как звук гонга в ночи, как тень пальмы на прибрежном песке. Майя – великая иллюзия – царит в этом мире. Скрепите свое сердце ремнем терпения и готовьтесь к иной, высшей ступени бытия. Нирвана – великое безмолвие – награда совершенному...

Старик замолчал, словно набираясь сил. Тишина стояла чрезвычайная.

И вдруг со стороны джунглей послышался шорох. Несколько человек в испуге вскочили. Дежурные схватили головешки и начали размахивать ими, чтобы отпугнуть зверя.

На поляну вышел высокий человек в красной рубаше, с винтовкой за плечами. Он подошел к костру, громко поздоровался со всеми и уселся против полукруга стариков, спиной к лесу.

– Продолжайте вашу беседу, – сказал он.

– Чандан! Чандан! – слышались голоса.

Чандан был их односельчанин, уже несколько лет оставивший деревню и работавший на фабрике в Калькутте. Он уже давно не показывался в деревне. Его не сразу узнали – так он возмужал.

Разговор возобновился. Санниази вновь начал свою проповедь непротивления, смирения и долготерпения. Чандан слушал внимательно, а когда старик кончил, то заговорил сам громко и решительно. Отовсюду слышалось испуганное шиканье. Но Чандан и не думал понижать голоса.

– Запуганы? Пришиблены? – спросил он с презрительным сожалением. И, повернувшись к санниази, сказал: – Старик! Ты сначала заговори ружья и пулеметы, чтобы они не стреляли и не проливали крови, а потом проповедай мирение и непротивление. Легенда говорит, что Будда в одном из своих воплощений накормил собственным мясом голодного тигра. Так вот ты, старик, хочешь, чтобы мы последовали его примеру и дали себя сожрать тигру-англичанину. Не слушайте его, райоты! – обратился он к толпе. – Такие, как он и Ганди, играют на руку нашим врагам. Довольно вы терпели!

Долго говорил Чандан, и каждое его слово было как удар топора, врубающегося в глухие заросли. Он говорил о том, что силе надо противопоставить только силу. Он рассказал о повстанческих отрядах, которые разграбили арсенал в Чнтга-гонке и вооружились. Он призывал их присоединиться к повстанцам.

Райоты дрожали и пугливо озирались во время его речи.

Чандан заметил это, усмехнулся, поднялся.

– Я сказал, где наш лагерь. И посмотрим, обойдетесь ли вы без крови с вашим непотивленьем!..

IV. Крихна и Бульбуле

Лежавший в темноте на хворосте Крихна жадно ловил каждое слово Чандана.

Когда Чандан ушел, Крихна потерял интерес к тому, о чем говорили остальные. Он поднялся с хвороста и пошел к дому.

В глубине неогороженного двора около хижины стоял привязанный за заднюю ногу слон. Увидав Крихну, слон вытянул хобот и издал тихий храпящий звук. Это означало приветствие. Под навесом, посреди двора, на сене лежала, свернувшись в клубочек, Бульбуле.

Крихна подошел к слону, обнял его хобот и начал гладить, тихо приговаривая:

– Тинти! Неужели тебя отнимут у нас?

– Что ты тут делаешь? – услышал Крихна звонкий голосок Бульбуле.

– Ничего, – ответил он. – Я пришел посмотреть на Тинти.

Но Бульбуле не обманешь. Недаром она так любит Крихну. Девушка подошла к нему и темной маленькой рукой тронула руку Крихны.

– Твое лицо печально, Крихна, – сказала она. – Что с тобой? О чем это ты говорил с Тинти?

– Я шепнул на ухо Тинти, чтобы он пошел быстро-быстро, далеко-далеко, к большой-большой священной реке Гангу,

сорвал там золотой лотос и принес его маленькой Бульбуле.

Девушка улыбнулась, но глаза ее еще были грустны, и Крихна продолжал развлекать ее, как ребенка:

– А помнишь, Бульбуле?.. Нет, ты этого не помнишь, ты была очень маленькой. Когда тебя принесли, ты едва умела ходить. Я клал тебя в корзиночку и заставлял Тинти качать тебя, как на качелях. Как ты любила это!

– Да, да, помню, – улыбаясь, ответила Бульбуле.

– Как быстро идет время, Бульбуле! Ты уже невеста. Тебе четырнадцать лет. Скоро мы устроим свадьбу, и ты будешь моей женой.

Он привлек ее к себе и поцеловал в лоб, в то место, где в кожу был врезан блестящий красный карбункул – подарок Крихны.

V. Джемс стал призраком

Джемс проснулся в прекрасном настроении. Было половина пятого. В это время обычно являлся старик-слуга с горячей водой и бритвенными принадлежностями. Но сегодня он что-то запоздал.

– Джон! – крикнул Джемс. Он называл своих слуг английскими именами.

Никто не являлся.

– Куда они все запропалились? – проворчал он. Звать слуг он больше не решался, чтобы не разбудить жену. Вскочил с кровати, надев туфли на босу ногу, прошел в комнату, где помещались лакеи. Комната была пуста. Уже с некоторым беспокойством заглянул на кухню. Опять никого. Вышел на двор, но и там не встретил ни души. Полицейских на веранде не оказалось. Площадка перед верандой пуста. Совершенно непонятно! Ведь сегодня последний срок платежа налога.

Джемса вдруг охватил страх. Ему пришла в голову нелепая мысль, что все люди погибли от какой-то неизвестной катастрофы и в живых остался только он один. Джемс поспешно подошел к спальне жены, открыл дверь, и в полумраке комнаты ему удалось рассмотреть фигуру спавшей жены.

– Слава богу, хоть она цела! – прошептал он и начал будить ее.

Мистрис Джемс пришла в ярость, узнав об исчезновении слуг, потом бурно расплакалась и устроила мужу сцену за то, что он завез ее в такую дыру, вместо того чтобы жить в европейском квартале Бомбея или Калькутты.

– Я пройду в деревню, – сказал Джемс, – и, может быть, мне удастся узнать, куда девались наши слуги.

Подходя к околице, Джемс увидел своего слугу – старика-туземца. Джон рассказывал что-то райотам, а те весело смеялись. Невдалеке от них прыгал козликотом Джим в своей курточке с металлическими пуговицами.

Вдруг он перестал скакать, подбежал к Джону и тронул его за руку. Все повернули голову в сторону Джемса и не спеша начали от него удаляться.

– Эй, вы! Стойте! – крикнул Джемс.

Не было случая, чтобы его приказания не выполнялись. На этот раз окрик не произвел ни малейшего впечатления.

– Стойте, дьявол вас возьми! – заревел Джемс. – Джон! Джимми!

Двое его слуг исчезли в толпе.

– Стойте! – хриплым голосом крикнул он, подбегая к толпе. – Где мои слуги?

Райоты продолжали идти, не обращая на него внимания и непринужденно разговаривая, как будто он, Джемс, превратился в призрак, Джемс схватил за руку ближайшего рай-ота и проревел ему в ухо:

– Кому я говорю?!

Райот чуть-чуть побледнел, повернулся к соседу и начал говорить о каких-то пустяках.

Что это? Бунт? Революция?.. У Джемса руки похолодели, несмотря на палящие лучи солнца. Он чувствовал, что если сейчас не поставит на своем, то его авторитет будет потерян навсегда. Власть перестанет быть властью. И Джемс дернул райота за руку с такой силой, что тот отлетел от толпы, и, вынимая револьвер, крикнул:

– Я заставлю тебя отвечать мне, мерзавец!

Райот упал под ноги Джемсу, но тут же поднялся и стремительно побежал. Так же стремительно, точно сговорившись, разбежались остальные. Джемс остался один. Нетвердой походкой пошел он по деревне.

На дворе Ашоки он увидел старика, который толкал что-то в деревянной ступе. Рядом с ним сидел на земле Нанде. На этот раз Джемс решил действовать иначе. Подойдя к райотам, он довольно ласково заговорил с Ашокой:

– Здравствуй, старина. Почему же это ты не явился платить налог?

Ашока посмотрел на своего приятеля Нанде и ничего не ответил.

– Что же ты молчишь?

– Мы не будем больше платить налогов, – ответил Нанде.

– То есть как это не будем? – отчеканил Джемс. – Это бунт! Вы знаете, что за это сажают в тюрьму?

– Хуже в тюрьме не будет. Да всех в тюрьму не посадишь, –

вдруг услышал Джемс у самого уха грубый голос, оглянулся и увидел лицо Бандусара с широко раздувшимися ноздрями.

Наступила пауза. Стараясь казаться как можно равнодушнее, Джемс сказал:

– Я вам дружески советую оставить эти глупости, вы пожалеете, и очень пожалеете!

Джемс круто повернулся и пошел дальше. Он направился к лавке Сайда Махмуда.

Сайд объяснил Джемсу, что вчера ночью у костра односельчане постановили не платить налога и не покупать больше английских тканей.

– Полный бойкот! – меланхолически закончил он.

VI. Легкая победа и полное поражение

– А! Наконец-то ты мне попался! – вдруг крикнул Джемс.

Из-за угла лавки Сайда появился один из бежавших полицейских – Баджу. От неожиданности он присел, перевернулся на месте и сделал прыжок, как заяц, увертывающийся от собаки. Джемс кинулся к Баджу и ухватил его за шиворот. Наконец-то он нашел жертву, на которую мог излить весь свой гнев.

– Стой! Не уйдешь! – кричал он. – Ты дезертир! Смирно! Руки по швам! Не верти мордой! – Джемс вынул револьвер и навел дуло на лоб Баджу. – Если ты попробуешь удрать от меня, я застрелю тебя как собаку! А теперь налево кругом, марш!

Конвоируемый Джемсом запуганный полицейский покорно направился к дому своего начальника. Джемс торжествовал. Теперь в его распоряжении имелась «вооруженная сила». К сожалению, за нею требовался неусыпный надзор, чтобы она не сбежала.

– Кто был зачинщиком неплатежа налогов? – строго спросил он.

Баджу закашлялся, как овца, пробормотал что-то невнятное и замолчал. Джемс грозно повторил свой вопрос.

– Ба-ан-ду-са-ар! – проблеял Баджу.

– Хорошо. Мы арестуем его.

Весь путь до бунгало Джемс продолжал пугать Баджу и в конце концов так запугал его, что несчастный полицейский вдруг бросился на колени и, причитая, как женщина, начал просить пощадить его жизнь. Джемс был доволен произведенным эффектом, но принужден был сам успокаивать Баджу, так как тот от страха не мог даже идти. Джемс уверил Баджу, что сохранит его жизнь и предаст забвению измену, если только он будет слепо и беспрекословно ему повиноваться.

Придя домой, Джемс запер Баджу в кладовой, а сам отправился к жене.

– Ну, что ты мне скажешь? – спросила она его.

– Утешительного мало. Райоты отказываются платить налоги и повиноваться. Мне не на кого опереться. Неизвестно, как развернутся события. Я не могу покинуть своего поста... Но тебе оставаться здесь невозможно.

– Я прекрасно управлюсь с машиной, – ответила мистрис Джемс. – Ты можешь совершенно не беспокоиться обо мне.

– Ну, и прекрасно, – сказал Джемс. – Я напишу мистру Кенту рапорт обо всем, что здесь происходит, и попрошу немедленно прислать сюда вооруженную силу. На тебя, таким образом, возлагается поручение большой государственной важности, моя дарлинг.

Через несколько минут мистрис Джемс в автомобильном

костюме и в перчатках, закрывавших руки почти до локтей, как истая англичанка-спортсменка, выехала на маленьком «Форде» на шоссе и скрылась в густых клубах пыли.

Джемс вместе с Баджу направился к хижине Бандусара. Бандусар стоял посреди двора и разговаривал с соседями.

– Бандусар! Иди сюда! – крикнул Джемс.

Бандусар даже не повернул головы. Тогда Джемс вынул револьвер и приказал сделать то же Баджу. Не доходя нескольких шагов, Джемс крикнул:

– Сдавайся! – и выстрелил в воздух.

Толпа шарахнулась. Джемс и Баджу схватили Бандусара за руки и повели. Индус не сопротивлялся. Райоты стояли неподвижно.

«С такими овцами не трудно сражаться», – подумал Джемс. Он решил отправить Бандусара под охраной Баджу к Кенту. Если даже Бандусар убежит по дороге вместе с Баджу, это не беда. Важно сейчас произвести моральный эффект.

Предстояло только найти подводу. Бандусар, когда бегал к Назир-хану, так поранил ноги острыми камнями, что не мог идти.

За крупное вознаграждение отвезти пленника согласился райот Малавия, который имел буйвола и двуколку.

Вскоре он явился к бунгалу со своим буйволом, но в сопровождении огромной толпы, которая бранила и проклинала его. Толпа и крики не очень взволновали Джемса. Он уже убедился, что райоты ограничиваются пассивным сопротив-

лением.

Однако, когда двуколка с арестованным и Баджу выехала на шоссе, произошло нечто неожиданное. Райоты вдруг окружили двуколку, сбросили на землю Баджу, схватили связанного Бандусара и унесли его на руках в деревню. Затем часть толпы вернулась на дорогу и тут же стала судить Малавию. Малавия был помилован. Он повернул своего буйвола к деревне и с видом побитой собаки поплелся домой.

Джемс выглядел ничуть не лучше, возвращаясь с Баджу к себе в бунгало.

VII. Бегство с поста

Джемс до вечера просидел на веранде. Несколько раз пробовал звонить Кенту, но телефон не действовал. Баджу терпеливо сидел на ступенях веранды, подперев лицо кулаком, и тоскливо поглядывал на деревню. Отсветы костра вспыхивали на зарослях бамбука. У костра шевелились люди, откуда доносился смех и песни. Этого раньше никогда не было. Это тоже был вызов. Джемс ходил по веранде большими шагами, сжимая кулаки в бессильной злобе.

Взрыв криков у костра привлек его внимание. Люди хватали головы и, вычерчивая в темноте огненные круги и зигзаги, бежали по направлению к бунгалю.

– Они хотят сжечь меня вместе с моим бунгалю! – прошептал Джемс, холодея от ужаса. – Скорее за мной! – крикнул он Баджу, промчался через комнаты и выскочил на двор через черный ход. На мгновение он остановился и осмотрелся с тоской.

Спрятаться в гараж? в сарай? в контору? Найдут, убьют...

Джемс решил: он скроется в зарослях бамбука вместе с Баджу. Перебежал двор, перепрыгнул через бамбуковую изгородь и кинулся в джунгли. Запуганный Баджу следовал за своим начальником.

– Ты можешь вывести меня на дорогу? – спросил его Джемс.

– Выйдем как-нибудь...

Они медленно пробирались среди густых зарослей. Баджу впереди, за ним Джемс. Через некоторое время вышли на поляну. Поднявшаяся луна ярко освещала развалины храма с причудливыми глиняными колоннами... Баджу боязливо обошел стороной развалины, это излюбленное место змей. Беглецы пересекли поляну и вновь углубились в густой мрак джунглей. Долго шли, спотыкаясь и падая. И вновь вышли на поляну и увидели развалины храма, очень напоминавшего первый. «Уж не кружимся ли мы?» – подумал Джемс и поплелся дальше. Снова мрак и сырость. Снова долгий тяжелый путь и снова поляна с разрушенным храмом. Теперь Джемс не сомневался: это были те же развалины. Он заметил одну колонну с перехватами в нескольких местах, увенчанную головой буйвола.

– Стой! Ты издеваешься надо мной! – крикнул Джемс Баджу. – Ты нарочно водишь меня по кругу. Так я расправлюсь с тобой, предатель!

И он начал вытаскивать револьвер, желая пустить в ход старое средство – запугивание. Баджу коротко крикнул и заячьими прыжками направился через поляну в чащу леса.

– Баджу! Куда ты? – в ужасе крикнул Джемс. – Я не буду стрелять в тебя. Вернись! Баджу!

Но полицейского и след простыл. Некоторое время слышался шорох папоротников и треск сучьев под ногами беглеца, потом и эти звуки затихли вдали.

– Убежал-таки! – сказал громко Джемс и мрачно посмотрел на развалины храма. Идти дальше или переночевать на площадке перед храмом? Джемс сделал несколько шагов к развалинам и увидел на изъеденных временем, поросших мхом плитах свернувшихся клубком змей. Змеи подняли головы и зашипели, шевеля длинными раздвоенными языками. Джемс вздрогнул и зашагал в дебри.

До утра пропутался он в джунглях и только с первыми лучами солнца случайно вышел на шоссе, недалеко от деревни. Джемс побоялся возвращаться в бунгало и отправился к Кенту.

Пыльный, потный, в изорванной одежде, добрался Джемс до Кента. Подойдя к бунгало, коллектор заметил, что и здесь творится что-то неладное.

Площадка перед домом была огорожена колючей проволокой, у веранды стоял пулемет, а рядом с ним два полисмена. Они пропустили Джемса на веранду только после того, как показал он свои бумаги. Джемс собирался пройти в кабинет начальника, когда сам Кент показался в дверях.

Высокий, рыжеватый, бритый, с длинным бледно-серым лицом, он имел очень болезненный вид. На его щеках выступали ярко-красные пятна. Ввалившиеся глаза сверкали сухим блеском. Он сжимал челюсти, чтобы не стучать зубами. У него был приступ малярии. Не пропуская Джемса в комнату, Кент жестом пригласил его сесть. Каждым своим движением он старался показать свое превосходство над тузем-

цем Джемсом.

Старший коллектор был в отвратительном настроении и решил на Джемсе сорвать злость. Расхаживая по веранде, Кент начал отчитывать Джемса за то, что тот распустил «вверенное ему население», не сумел пресечь беспорядков в самом начале и самовольно оставил свой пост в такую важную минуту.

– Это дезертирство! – глухим голосом сказал Кент и три раза щелкнул зубами. Лицо его стало землистого цвета.

– Но ведь я не имел в своем распоряжении вооруженной силы, – оправдывался Джемс. – Последний полицейский убежал вчера. А райоты хотели сжечь меня живьем.

– С чего это началось? – слабым голосом спросил Кент.

– Они отказались платить налоги...

– Глупости! Если они не могут жить, они умирают. Если они могут жить кое-как, они довольствуются этим. И если они бунтуют, значит, есть зачинщики, агитаторы. Надо было найти и арестовать их.

Эта длинная речь утомила Кента. Он прикрыл глаза. Потом забормотал:

– Слезоточивые газы отличная вещь... Кобры захватили оружие, чтобы избежать слезотечения... Но мы раздавим этих мерзавцев...

Он бредил.

Джемс с недоумением смотрел на него и молчал. Откуда-то с рисовых полей донеслись крики – шум, смех и пес-

ни. Эти звуки, очевидно, дошли до сознания Кента. По его лицу пробежала судорога. Опущенные руки приподнялись. С трудом открыв глаза, он посмотрел на поле.

– Опять... – сказал он и показал рукой вдаль. – Смотрите. Соль несут. Разграбили соляные склады...

– И у вас не совсем благополучно? – спросил Джемс. Эти слова словно ужалили Кента. Вся его сонливость исчезла.

– У меня? – крикнул он. – Не у меня одного. Вся Индия в огне восстания! Не повинуются, не платят налога, грабят соляные склады и копи. Телефонные провода порваны. Телеграф не действует. Но я надеюсь, что мне удастся восстановить порядок. Я не мог прислать вам помощи, потому что пока сам нуждаюсь в ней. В нескольких милях отсюда на шоссе появился большой отряд повстанцев. Я не оставлю своего поста! – И Кент уничтожающе посмотрел на Джемса. – Но я считаю необходимым сегодня же отправить мою семью в Калькутту. Кроме того, я должен донести губернатору о положении дел и попросить у него помощи. Извольте отправляться с моими дамами и передать губернатору мой рапорт.

– Может быть, мистер Кент, вы будете так любезны отправить с вашим автомобилем и мою жену?

– Хорошо, – сухо ответил Кент и вышел.

Через несколько минут огромный автомобиль Кента двинулся в путь. Места в середине занимали его жена, теща и двое детей, позади них, задыхаясь от пыли, тесноты и обиды,

сидела среди чемоданов мистрис Джемс вместе с гувернанткой и горничной. А Джемсу пришлось поместиться рядом с шофером.

По обе стороны дороги тянулись бесконечные рисовые, маисовые и конопляные поля. Кое-где встречались заросли бамбука и рощи манговых деревьев. Далеко на горизонте вставали синие изломы гор. Когда Джемс закрывал глаза, перед ним вставало измученное землисто-серое лицо Кента.

«А ведь англичанин-то болен, сильно болен», – злорадно думал Джемс. Как ни подражал он Кенту, а все же в глубине души ненавидел его.

И, как бы в ответ на эти мысли, Джемс вдруг услышал голос шофера, обратившегося к нему на туземном наречии:

– Я понимаю Кента – он англичанин. Англичане всегда душили нас. Но ты-то зачем помогаешь им? Зачем предаешь своих? Я тебе говорю, Джемс! И какой ты, к дьяволу, Джемс? Пробор сделал и думаешь – англичанином стал?..

Джемс с трудом открыл слипавшиеся глаза и испуганно посмотрел на шофера. Сначала ему показалось, что это говорит кто-то внутри его, что он бредит. Но голос слышался ясно. Да, это говорил шофер-индус.

– Я знаю, зачем ты едешь в город, – продолжал шофер. – Но ты не приедешь туда. Вылезай! – Он резко остановил машину.

Джемс окончательно пришел в себя и с недоумением посмотрел на шофера, а потом на дорогу. Чтобы не встретиться-

ся с повстанцами, Кент приказал объехать их лагерь проселком. А теперь автомобиль стоял перед широким шоссе.

– Что это значит? – спросил Джемс.

– Отчего мы остановились? – певуче спросила мистрис Кент.

– Слезай немедленно, – повторил шофер. – А не то я повезу тебя в лагерь повстанцев. Гляди – вот они!

Джемс повернул голову и увидел недалеко от шоссе под мангровыми деревьями группу индусов. Они были вооружены ружьями, кольями и ножами. Джемс похолодел от страха.

– Но ведь вы везете женщин и детей, – сказал Джемс шоферу.

– Их я и довезу, а ты слезай.

И вдруг шофер схватил Джемса за плечи и выбросил из автомобиля. Женщины вскрикнули, мистрис Джемс громче всех, а мальчик и девочка засмеялись; ведь Джемс не был англичанином. Индус пустил машину на полную скорость, и через несколько минут она скрылась по пути в город.

VIII. Огонь по райотам

В первый день бунта райоты сидели и беседовали у костра. Неожиданно на дороге появилась бродячая собака с поджатым хвостом и направилась к деревне.

– Бешеная! – крикнул кто-то.

И райоты, схватив горящие головни, бросились за собакой, чтобы запугать ее и выгнать из деревни. Собака убежала в маисовое поле. Райоты видели, как Джемс и Баджу улепетывали от них через двор и скрылись в бамбуковых зарослях. Это очень удивило и позабавило их. Когда они вернулись к костру, то Бандусар, бросив в огонь дымящуюся головню, сказал:

– Ловко! Погнались за одной собакой, а прогнали сразу трех!

Шутка всем очень понравилась. Послышался смех.

Скоро, однако, разговор принял более серьезное направление. Медленно жуя бетель, райоты обсуждали, как быть без начальства и долго ли продлится такое положение. Многие опасались, что добром это не кончится, но Бандусар успокаивал их.

– Только мы должны отстаивать свою свободу, – говорил он. – Что может быть хуже непротивления? Хотите, я расскажу вам занятную басню, я слышал ее от одного прохожего?

Бандусар сплюнул ржавую от бетеля слюну и начал:

– Заклинатель змей упрекал змею за то, что она не кусает его и кусает людей. «Смирись, злобная тварь, – говорил он, – пойми, что непотворение – чистейший лотос совершенства». – «А что делать, если на меня нападут?» – спросила змея. «Не трогай их, не шипи и уползай в кусты, и тебя тоже не тронут». Змея послушалась речей заклинателя. На другой день, когда ребяташки пришли играть на площадь и наткнулись на змею, они очень удивились, что она и не думает их кусать. Новость облетела всю округу. Отовсюду стали сбегаться мальчишки. Они дразнили змею, кололи, били палками, таскали за хвост. Она уползла от них в джунгли и забила в пещеру. Но и там ее разыскали. И когда через несколько дней заклинатель пришел в пещеру навестить свою змею, он нашел там только ее истерзанный труп... Так будет с нами, – закончил Бандусар, – если мы будем заниматься непотворением.

Под утро к костру подошел Баджу в изорванном полицейском френче, усталый, с окровавленными ногами. Увидав его, сидевший на страже Бандусар вскочил. Ноздри его раздулись, кулаки сжались. Но, посмотрев внимательно на убитое лицо полицейского, он усмехнулся и спросил:

– Ну что, опять пришел арестовывать меня?

Баджу, не говоря ни слова, стащил с себя изорванный френч и со злостью швырнул в костер. Когда френч превратился в пепел, Баджу махнул рукой и плюнул в костер.

– Довольно! Я больше не полицейский! – И он бросился

на траву рядом с Бандусаром.

Двое суток прошли тихо. Деревня жила своей жизнью, словно отрезанная от всего мира. И к концу вторых суток многие начали подумывать о том, не отделались ли они уже навсегда от англичан и от всякого начальства.

Однако в ночь на третьи сутки, под утро, деревня была разбужена незнакомыми звуками. Первыми проснулись и залаяли чуткие собаки, вслед за ними поднялись и люди. Они вышли на дорогу и с недоумением прислушивались к приближавшемуся шуму и гулу. Скоро на шоссе показались огни фонарей.

– Да это просто автомобили едут, – сказал кто-то.

– Не автомобили, а грузовики, – поправил другой.

– Что-то уже очень много! – послышался третий тревожный голос. И неожиданно тревога передалась всем.

Через несколько минут в деревню въехал автомобиль, а за ним пять или шесть грузовиков, наполненных солдатами. Солдаты соскочили с грузовиков и разбили лагерь на площадке перед бунгало Джемса. С угрюмым вниманием следили собравшиеся райоты за прибывшими.

С первыми лучами солнца в деревню явился Джемс, в сопровождении очень молодого офицера. За ними, точно на смотре, промаршировала колонна солдат-англичан. Одного роста, в одинаковых, хорошо сшитых костюмах, они были похожи друг на друга, как штампованные пуговицы их мундиров.

Остановившись у хижины Ашоки, Джемс обратился к райотам с речью. Он напомнил им все их преступления, вплоть до попытки сжечь его живьем, и заявил, что если они не выдадут немедленно зачинщиков и не уплатят налогов, то он принужден будет передать власть военному командованию.

Джемс обратился к Ашоке:

– Вот ты, например, не уплатил налога. Я знаю, у тебя должны быть деньги, так как ты занимал у Назир-хана. Согласен ты немедленно внести?

Ашока посмотрел в глаза Джемса и тихо, но твердо ответил:

– Нет. Ни я, ни кто другой не внесет налога. Так мы все решили. Но сжигать тебя мы не собирались. Мы гнались за другим... за собакой...

В толпе глухо засмеялись.

Джемс побледнел. Впервые Ашока обратился к нему на «ты». Сдерживая кипевший гнев, он сказал как можно хладнокровнее:

– Ты отказываешься? В таком случае за долг придется взять твоего слона. – И Джемс отдал приказ полицейскому отвести слона в лагерь.

В это время Крихна подошел со слонем к дороге. Ашока выхватил из рук сына тяжелый железный дедовский анк (жезл, при помощи которого управляют слонем) и крикнул:

– Хобот, Тинти!

Слон тотчас повернул хобот, Ашока ступил ногою на его закрученный конец и ухватился за клык, слон подбросил Ашоку хоботом, и через секунду старик уже сидел на шее животного.

Подняв анк над головой, Ашока воинственно крикнул:

– Вперед, Тинти!

Слон издал громогласный звук и направился на шеренгу солдат. Те невольно посторонились. И стон прорвал бы их цепь. Но вот молодой офицер-англичанин с нежным, почти девичьим лицом, на котором застыла презрительная улыбка, вынул из кобуры револьвер и прицелился в голову Ашоки. Раздался выстрел. Кровь залила лицо старика. Выронив анк, Ашока свалился на землю. Крихна с воплем бросился к отцу, но полицейский сильно ударил юношу прикладом в висок. Крихна упал рядом с трупом отца, а полицейский повел Тинти в лагерь.

– Так поступят с каждым ослушником! – резко крикнул по-английски офицер.

– Так поступят с каждым, кто меня не слушается! – перевел Джемс и добавил: – Немедленно выдайте мне Бандусара.

Но толпа стояла неподвижно. Неожиданно вперед выступил санниази. Его желтая одежда горела в лучах утреннего солнца, как червонное золото. Подняв к небу глаза и руки, он начал говорить о братстве, любви, милосердии и призывал не проливать крови. Офицер слушал его некоторое время, хотя и не понимал, затем нетерпеливо махнул рукою, пред-

лагая санниази отойти в сторону. Но взгляд проповедника был направлен на освещенное солнцем облако.

– Огонь! – крикнул офицер.

И райоты падали, как колосья под серпом. Одним из первых упал ничком, с протянутыми вперед руками непротивленец санниази.

Сопротивление райотов было сломлено. Джемс вновь стал их полноправным начальником.

IX. Дорогой Чандана

Крихна пришел в себя только ночью. Голова его сильно болела. Всю ночь он не спал, все думал, глядя на небо.

Над Крихной пролетало алое разметанное облако. Юноша смотрел на него, продолжая думать все ту же напряженную думу, как будто решал какую-то трудную задачу. И вдруг он решил ее.

– Красная рубаха! – прошептал он, протягивая руку к облаку.

Вечером того же дня Крихна вместе с Бульбуле отнес тело отца на берег реки, разложил костер и поджег сухие поленья. Бульбуле затянула протяжную погребальную песню.

Когда костер догорел, Крихна собрал пепел, всыпал в большой глиняный горшок и пустил его в воду. Горшок мягко закачался на волнах.

Крихна провожал его глазами, и ему казалось, что с этим горшком навсегда уплывает его мирное прошлое. Горшок скрылся за поворотом. Крихна долго глядел на реку, которая стала вдруг иною.

Весь мир стал иным.

Потом он тряхнул головой, подошел к Бульбуле и положил ей руки на плечи.

– Прощай, Бульбуле! Я ухожу.

– Куда, Крихна? – испуганно расширила глаза девушка.

– Я еду в горы – к Чандану и его повстанцам.

Крихна круто повернулся и крупными шагами начал удаляться от девушки. Сцепив пальцы, она стояла неподвижно и глядела ему вслед. А он все ускорял шаги, боясь услышать за собой крик покинутой. Он знал, что даже крик девушки не остановит его. Но будет еще больше, сердце его обольется кровью – и он почти бежал.

Так и есть. Она кричит. Но в этом крике послышалось что-то такое, что заставило его замедлить шаги. Так не кричат раненные насмерть.

– Крихна! Стой, Крихна! Подожди меня!

Бульбуле метнулась вперед. Быстро догнала Крихну и, схватив его за руку, горячо заговорила:

– Я пойду с тобой, Крихна. Возьми меня с собой!

Крихна посмотрел на нее. Полудетское лицо стало суровым.

– Я научусь стрелять из ружья. Не гони меня! Я ведь сильная и ловкая, Крихна!

– Ладно! – тряхнул головой юноша. – Идем вместе.

Не оборачиваясь в сторону деревни, оба зашагали к джунглям.